

ПРИЛОЖЕНИЕ

Достоевскій и Гинденбургъ

«Русскому Европа такъ же драгоценна
какъ и Россія... Европа такъ же была отечествомъ
нашимъ, какъ и Россія. О, болѣе»
(Достоевскій «Подростокъ»).

Если изъ всѣхъ русскихъ классиковъ Достоевскій пользуется въ Германіи наибольшимъ признаніемъ и широкой популярностью, то, съ своей стороны, нашъ гениальный писатель страстно волновавшійся проблемой «Россія и Европа» платитъ Германіи — искреннимъ уваженіемъ, симпатіями и, пожалуй, преклоненіемъ. Любопытно, что напр<имѣръ> отношеніе писателя къ французамъ можно считать въ своей сущности скорѣе глубоко отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ. Тутъ были причины, какъ чисто личные, такъ и принципиальная ненависть къ странѣ католицизма не какъ религіи, а какъ своеобразно понятой идеи «царства земного», Антихриста.

Съ дѣтскаго возраста Достоевскій уже вошелъ въ соприкосновеніе съ германской культурой. Онъ рассказывалъ своей второй женѣ — Аннѣ Григорьевнѣ, о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое произвела на него въ дѣтствѣ трагедія Шиллера «Разбойники»³⁰. Въ юности (1840–41 г.г.) Достоевскій увлекался драматическими опытами и пишетъ подъ вліяніемъ Ф. Шиллера свою «Марію Стюартъ». Совмѣстно съ другомъ своимъ — поэтомъ, романтикомъ и вѣчнымъ искателемъ — Шидловскимъ читаетъ нѣмецкаго поэта и скорѣе онъ «вызубрилъ Шиллера, говорилъ имъ, бредилъ имъ...». «Имя Шиллера, говоритъ писатель, стало мнѣ роднымъ, какимъ то волшебнымъ звукомъ, вызывающимъ столько мечтаній»... Вполнѣ понятно, что вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Достоевскій мечтаетъ издать по русски «всего» Шиллера. Вліяніе Шиллера и его поэзіи на душу Достоевскаго было необычайно и, что интереснѣе всего, вновь откликнулось въ послѣднемъ произведеніи — Братьяхъ Карамазовыхъ, гдѣ не разъ цитируется Шиллеръ. Высоко цѣнилъ писатель и Э. Т. А. Гофмана³¹; сравнивая его съ Э. По, онъ находилъ у Гофмана большой талантъ, глубину, «жажду красоты и свѣтлый идеалъ». Вліяніе Гофмана уже значительно выяснено и говоритъ о первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго безъ знанія Гофмана трудно. Имя Гете и Гетевскій «Фаустъ» тоже заняли не послѣднее мѣсто въ галлерей великихъ писателей и учителей Достоевскаго. Трогательная страница посвящена ему въ «Дневникѣ Писателя». Въ главѣ, трактующей о самоубійствахъ среди русской молодежи, возмущаясь, что часто убиваютъ себя юноши изъ за самыхъ ничтожныхъ и мелкихъ причинъ и при томъ не мыслятъ о значеніи жизни, о проблемѣ души, Достоевскій замѣчаетъ: «Неужели это безмысліе въ русской

³⁰ Писатель видѣлъ ее на сценѣ Московскаго театра съ Мочаловымъ въ роли Карла Моора (*Примеч. автора*).

³¹ В публикации ошибочно: А. П. Гофмана

природѣ? Я говорю безмысліе, не безмысліе. Ну, не вѣрь, но хоть помысли. Въ нашемъ самоубійцѣ даже и тѣни подозрѣнія не бываетъ о томъ, что онъ называется Я и есть существо безсмертное. Онъ даже какъ будто никогда не слыхаль о томъ ровно ничего. И однако онъ вовсе не атеистъ. Вспомните прежнихъ атеистовъ: утративъ вѣру въ одно, они тотчасъ же начинали страстно вѣровать въ другое... Самоубійца Вертеръ, кончая съ жизнью, въ послѣднихъ строкахъ имъ оставленныхъ, жалѣеть, что не увидитъ болѣе прекраснаго созвѣздія "Большой Медвѣдицы", и прощается съ нимъ. О, какъ казался въ этой черточкѣ только что начинавшійся тогда Гете. Чѣмъ же такъ дороги были молодому Вертеру эти созвѣздія? Тѣмъ, что онъ сознавалъ каждый разъ, созерцая ихъ, что онъ вовсе не атомъ и не ничто передъ ними, что вся эта бездна таинственныхъ чудесъ Божіихъ вовсе не выше его мысли, не выше его сознанія, не выше идеала красоты, заключеннаго въ душѣ его, а, стало быть, равна ему и роднитъ его съ безконечностью бытія... и что за все счастье чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто онъ? — онъ обязанъ лишь своему лику человѣческому.

"Великій Духъ, благодарю тебя за ликъ человѣческой, Тобою данный мнѣ".

Вотъ какова должна была быть молитва Гете во всю жизнь его. У насъ разбираютъ этотъ данный человѣку ликъ совершенно просто и безъ всякихъ этихъ нѣмецкихъ фокусовъ»...

Не одна литература, но и нѣмецкая музыка цѣнилась и любилась Достоевскимъ. О пьесахъ Бетховена онъ говорилъ, какъ о «верхѣ восхищенія», а о увертюрѣ изъ «Феделио», въ одномъ изъ писемъ къ женѣ, утверждаетъ, что «выше этого ничего не создавалось». Эти нѣсколько бѣгло отмѣченныхъ черточекъ позволяютъ указать на прочность тѣхъ узъ, кои связывали Достоевскаго съ нѣмецкимъ гениемъ. Въ своихъ романахъ Достоевскій неоднократно изображаетъ нѣмца-доктора. Этотъ типъ созданъ имъ на основаніи двухъ совершенно реальныхъ образовъ. Одинъ изъ нихъ — московскій врачъ Ф. П. Гаазъ, прекрасную біографію котораго написалъ сенаторъ А. Ф. Кони. Въ романѣ «Идіотъ», Достоевскій впервые попытался дать типъ идеальнаго, прекраснаго человѣка, трогательная страничка посвящена воспоминанію объ одномъ идеальномъ милостивцѣ. Писатель въ «исповѣди» Ипполита касается организаціи «общественной милостыни» и вопроса о частной благотворительности. Въ его представленіи это двѣ глубоко различныя вещи, и первая никакъ не должна и не можетъ стѣснять «личную свободу». «Единичное доброе дѣло, пишетъ онъ, остается всегда, потому что оно есть потребность прямого вліянія одной личности на другую». Идеальнымъ примѣромъ блаженнаго миротворца и нищелюбца беретъ Достоевскій скромнаго московскаго врача, чистаго нѣмца по происхожденію. Онъ даже не называетъ его фамиліи. Но никто другой какъ Ф. П. Гаазъ передъ нами, ибо «онъ всю свою жизнь таскался по острогамъ и по преступникамъ», звалъ ихъ «голубчиками», раздавалъ деньги, присылая необходимыя вещи и книги. «Онъ говорилъ съ ними какъ съ братьями, но они сами стали считать его подъ конецъ за отца». Особенно «старичекъ» любилъ ссыльныхъ дѣтей, ласкалъ ихъ, утѣшалъ и дарилъ. И «его знали по всей Россіи и по всей Сибири, то-есть всѣ преступники». Доброта и самоотверженіе и нѣжность

его были изумительны и навсегда врѣзались въ память знавшихъ «святого доктора». Закоренѣлый злодѣй, убійца малолѣтнихъ дѣтей изъ удовольствія — и тотъ, говоритъ писатель, вспоминалъ иной разъ его съ улыбкой любви и «почемъ вы знаете, какое сѣмя заброшено въ его душу навѣки этимъ "старичкомъ генераломъ"... Какое значеніе будетъ имѣть это приобщеніе одной личности къ другой въ судьбахъ приобщенной личности? Тутъ вѣдь цѣлая жизнь и безчисленное множество скрытыхъ отъ насъ развѣтвленій».

Образъ «святого старичка» видимо глубоко врѣзался въ душу писателя и ярко запечатлѣлся въ его памяти. Когда думалъ онъ надъ проблемой своего неосуществленнаго романа «Атеизмъ» и надъ «Житіемъ Великаго Грѣшника», тихій обликъ великаго человѣколюбца и искренняго христіанина стоялъ передъ его очами. Именно въ планѣ ненаписаннаго романа «Житіе великаго грѣшника», въ произведеніи, отъ котораго бѣгутъ ясно видимыя нити ко всѣмъ послѣдующимъ романамъ Достоевскаго, находимъ упоминаніе о Гаазѣ, ясно свидѣтельствующее о значеніи этого типа для искателя правды Христовой. Въ концѣ плана мы читаемъ, что какъ результатъ всей многострадальной и бурной жизни, какъ ея завершеніе и апофеозъ стоитъ фигура доктора Гааза: «Кончаетъ воспитательнымъ домомъ у себя и Гаасомъ становится. Все яснѣетъ».

Въ концѣ пути атеиста и неутомимаго искателя, природы бунтарской и вѣчно тоскующей по прекрасному, по горному идеалу гармоніи и силы, стоитъ образъ старичка, великаго филантропа, врача душъ и тѣлъ — Ф. П. Гааза. Великій грѣшникъ наконецъ понялъ, что дѣйствительно можно «быть рабомъ и всѣхъ сильнѣй». Таковъ всегда слуга Христовъ по мысли писателя.

Типъ доктора Гааза, слившись съ еще однимъ типомъ, о которомъ у насъ рѣчь впереди, отразился на изображеніи нѣмца-доктора Герценштубе въ «Братяхъ Карамазовыхъ»: «Его всѣ у насъ въ городѣ очень цѣнили и уважали. Былъ онъ врачъ добросовѣстный, человѣкъ прекрасный и благочестивый, какой то гернгутерь или "Моравскій братъ"... Онъ былъ добръ и человѣколюбивъ, лѣчилъ бѣдныхъ больныхъ и крестьянъ даромъ, самъ ходилъ въ ихъ конуры и избы и оставлялъ деньги на лекарство». Это былъ старый холостякъ души нѣжной и цѣломудренной и «на женщинъ смотрѣлъ, какъ на высшія и идеальныя существа». «Была у него забавная слабость: считать свою русскую рѣчь за образцовую, за лучшую чѣмъ даже у русскихъ. Вслѣдствіе этого онъ очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ... Въ разговорѣ, отъ разсѣянности ли какой, часто забывалъ слова самыя обычныя... и при этомъ махалъ рукой передъ лицомъ своимъ, какъ бы ища ухватить потерянное словечко, и уже никто не могъ бы принудить его продолжать начатую рѣчь, прежде чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова». Какъ старожиль городка, знавшій издавна семью Карамазовыхъ, онъ давая показанія на судѣ, почти единственный изъ всѣхъ свидѣтелей, освѣщаетъ «преступника» (Митю) благопріятнымъ свѣтомъ. Что то теплое, мягкое и глубоко человѣческое слышится въ его словахъ. Онъ говоритъ прежде всего о хорошемъ сердцѣ Мити и что лишь отъ заблужденій и увлеченій произошло его паденіе: «А между тѣмъ, это былъ благодарный и чувствительный юноша, о, я очень помню его еще вотъ

такимъ малюткой, брошеннымъ у отца въ задній дворъ, когда онъ бѣгалъ по землѣ безъ сапожекъ, и съ панталончиками на одной пуговкѣ... Какая то чувствительная и проникновенная нотка слышалась вдругъ въ голосъ честнаго старичка... Затѣмъ докторъ трогательно рассказываетъ о томъ, какъ пожалѣлъ онъ бѣднаго брошеннаго ребенка и купилъ ему фунтъ орѣховъ и научилъ говорить по нѣмецки:

«Gott der Vater, Gott der Sohn und Gott der Heilige Geist».

Вскорѣ Митю увезли изъ города и онъ много лѣтъ не видѣлъ его. «И вотъ, продолжаетъ Герценштубе, прошло двадцать три года, я сижу въ одно утро въ моемъ кабинетѣ, уже съ бѣлою головой, и вдругъ входитъ цвѣтущій молодой человѣкъ, котораго я никакъ не могу узнать, но онъ поднялъ палецъ и смѣясь говоритъ:

"Gott der Vater, Gott der Sohn und Gott der Heilige Geist.

Я сейчасъ пріѣхалъ и пришелъ васъ поблагодарить за фунтъ орѣховъ". И тогда я вспомнилъ мою счастливую молодость и бѣднаго мальчика на дворѣ безъ сапожекъ и у меня повернулось сердце, и я сказалъ: "Ты благодарный молодой человѣкъ, ибо всю жизнь помнилъ тотъ фунтъ орѣховъ, который я тебѣ принесъ въ твоемъ дѣтствѣ". И я обнялъ его и благословилъ. И я заплакалъ. Онъ смѣялся, но онъ и плакалъ... ибо русскій весьма часто смѣется тамъ, гдѣ надо плакать. Но онъ и плакалъ, я видѣлъ это. А теперь, увы...».

— «И теперь плачу, нѣмецъ, и теперь плачу, Божій ты человѣкъ. Крикнулъ вдругъ Митя со своего мѣста».

Герценштубе не разъ появляется въ романѣ, но вотъ именно это его послѣднее большое выступленіе рисуетъ его намъ какъ человѣка исключительной душевной нѣжности; какой то наивной и милой сентиментальностью и человѣколюбіемъ вѣетъ отъ его словъ. Все его выступленіе необыкновенно выдержано Достоевскимъ. Читая его мы не можемъ не улыбнуться, но смѣяться мы не захотимъ. Рѣчь его, построеніе фразъ и нѣкоторые обороты въ родѣ «но я вспомнилъ ему», вмѣсто «но я напомнилъ ему», или «брошеннымъ въ задній дворъ», вмѣсто «брошеннымъ на скотный дворъ», «и я поднялъ мой палецъ» и т. д. все это создаетъ вмѣстѣ съ молитвословнымъ поученіемъ дитяти, особую атмосферу проникнутую скрытой улыбкой самого автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скрытыя въ тѣхъ же словахъ великимъ лиризмомъ высокаго напряженія. Юморъ вѣдь это — «остроуміе глубокаго чувства». Мы подготовлены къ сочувствію доктору, мы знаемъ его какъ прекраснаго человѣка, но кромѣ того авторъ, вдругъ вступая въ свои права даетъ тонъ всей будущей рѣчи Герценштубе упоминаніемъ о «какой то чувствительной и проникновенной ноткѣ въ голосъ честнаго старика». Достоевскій отмѣтилъ въ его обликѣ характерныя, по его убѣжденію, черты лучшаго нѣмца, не забывъ и отрицательныхъ. Тутъ и своеобразный сентиментализмъ и религіозность и любовь къ наставленіямъ и философствованію, и упрямство и порой самолюбіе и хвастливое самоувереніе въ мелочахъ и наконецъ, мысль о значеніи вѣрности, благодарности. Не даромъ и Л. Толстой заставляетъ такъ комично Карла Ивановича говорить о благодарности и о томъ, что худшій порокъ есть Undankbarkeit!

Вторая глава «Дневника Писателя» за 1877 г. посвящена Достоевскимъ еврейскому вопросу. Отвѣчая на обвиненія въ юдофобствѣ со стороны его многочисленныхъ корреспондентовъ, писатель, отрицая эту черту своего характера, разбираетъ самый еврейскій вопросъ и здѣсь, между прочимъ, приводитъ одно письмо «весьма знакомой мнѣ г-жи Л., очень молодой дѣвицы, еврейки, съ которой познакомился въ Петербургѣ и которая пишетъ мнѣ теперь изъ М.»³² Вотъ что она пишетъ:

«Это я пишу подь свѣжимъ впечатлѣнiемъ похороннаго марша. Хоронимъ доктора Гинденбурга 84-хъ лѣтъ отъ роду. Какъ протестанта его сначала отвезли въ кирку, а затѣмъ на кладбище. Такого сочувствiя, такихъ отъ души вырвавшихся словъ, такихъ горячихъ слезъ я еще никогда не видѣла на похоронахъ... Онъ умеръ въ такой бѣдности, что не на что было похоронить его.

Уже 58 лѣтъ какъ онъ практикуетъ въ М... и сколько добра онъ сдѣлалъ за это время. Еслибъ вы знали, Федоръ Михайловичъ, что это былъ за человѣкъ. Онъ былъ докторъ, акушеръ; его имя перейдетъ здѣсь въ потомство, о немъ уже сложились легенды, весь простой народъ звалъ его отцомъ, любилъ, обожалъ и только съ его смертью понялъ, что онъ потерялъ въ этомъ человѣкѣ. Когда онъ еще стоялъ въ гробу (въ церкви), то не было, кажется, ни одного человѣка, который бы не пошелъ поплакать надъ нимъ и цѣловать его ноги, въ особенности бѣдные еврейки, которымъ онъ такъ много помогалъ, плакали и молились, чтобъ онъ попалъ прямо въ рай. Сегодня пришла бывшая наша кухарка, ужасно бѣдная женщина и говоритъ, что при рожденiи послѣдняго ея ребенка, онъ видя, что ничего дома нѣтъ, далъ 30 коп. чтобъ сварить супъ, а затѣмъ каждый день приходилъ и оставлялъ 20 коп., а видя, что она поправляется, прислалъ пару куропатокъ. Также будучи позванъ къ одной страшно бѣдной родильницѣ (такiя къ нему и обращались) онъ, видя, что не во что принять ребенка, снялъ съ себя верхнюю рубаху и платокъ свой (голова у него повязана платкомъ), разорвалъ и отдалъ.

Еще вылѣчилъ онъ одного бѣднаго еврея дровосѣка, затѣмъ заболѣла его жена, затѣмъ дѣти, онъ каждый Божiй день прiѣзжалъ 2 раза и когда всѣхъ поставилъ на ноги, спрашиваетъ еврея: чѣмъ ты мнѣ заплатишь? Тотъ говоритъ, что у него ничего нѣтъ, только послѣдняя коза, которую онъ сегодня продастъ. Онъ такъ и сдѣлалъ: продалъ за 4 рубля и принесъ ему деньги; тогда докторъ далъ лакею своему еще 12 рублей къ этимъ четыремъ и отправилъ купить корову, а дровосѣку велѣлъ итти домой; черезъ часъ тому приводятъ корову и говорятъ, что докторъ призналъ козье молоко для нихъ вреднымъ. Такъ онъ прожилъ всю свою жизнь. Бывали примѣры, что онъ оставлялъ 30 и 40 рублей у бѣдныхъ, оставлялъ и у бѣдныхъ бабъ въ деревняхъ.

За то хоронили его какъ святого. Всѣ бѣдняки заперли лавки и бѣжали за гробомъ. У евреевъ есть мальчики, которые при похоронахъ распѣваютъ псалмы, но запрещается провожать иновѣрца этими псалмами. Тутъ передъ гробомъ, во время процессiи, ходили мальчики и громко распѣвали эти псалмы. Во всѣхъ

³² Городъ Минскъ въ Западномъ краѣ (Примеч. автора).

синагогахъ молились за его душу, также колокола всѣхъ церквей звонили все время процессіи. Былъ хоръ военной музыки, да еще еврейскіе музыканты пошли къ сыну усопшаго, просить, какъ чести, позволенія играть во все время процессіи. Всѣ бѣдные принесли кто 10, кто 5 коп., а богатые евреи дали много и приготовили великолѣпный, огромный вѣнокъ свѣжихъ цвѣтовъ съ бѣлыми и черными лентами по сторонамъ, гдѣ золотыми буквами были вычислены его главныя заслуги, такъ напр<имѣръ> учрежденіе больницы и т. п., я не могла разобрать что тамъ, да развѣ возможно вычислить его заслуги? Надъ его могилой держали рѣчь пасторъ и еврейскій раввинъ, и оба плакали, а онъ себѣ лежалъ въ старенькомъ, истертомъ вицъ-мундирѣ, старымъ платкомъ была повязана его голова, эта милая голова и, казалось, онъ спалъ, такъ свѣжъ былъ цвѣтъ его лица...»

Р. Плетневъ³³.

(Окончаніе завтра)

Окончаніе³⁴

Чрезвычайно характерны разсужденія Достоевскаго по поводу этого письма:

«Единичный случай, скажутъ, чтожъ, господа, я опять виноватъ: опять вижу въ единичномъ случаѣ чуть не начало разрѣшенія всего вопроса... ну, хоть того же самаго "еврейскаго вопроса", которымъ я озаглавилъ мою вторую главу этого "Дневника". Кстати, почему я назвалъ старичка доктора "Общечеловѣкомъ". Это былъ не общечеловѣкъ, а скорѣе общій человѣкъ. Этотъ городъ М. — это большой губернский городъ въ западномъ краѣ, и въ этомъ городѣ множество евреевъ, есть нѣмцы, русскіе, конечно, поляки, литовцы, — и всѣ-то, всѣ эти народности признали праведнаго старичка каждая за своего. Самъ же онъ былъ протестантъ, и именно нѣмецъ, вполне нѣмецъ: манера какъ онъ купилъ и отослалъ бѣдному еврею корову — это чисто нѣмецкій вицъ. Сперва озадачилъ того: "чѣмъ уплатишь". И уже конечно, бѣднякъ, продавая послѣднюю козу, чтобъ уплатить "благодѣтелю", не ропталъ ни мало, а напротивъ горько страдалъ въ душѣ, что всего то коза стоитъ 4 цѣлковыхъ, а вѣдь и бѣдному работающему на нихъ всѣхъ бѣдняковъ старичку тоже вѣдь жить надо, а что такое четыре цѣлковыхъ за всѣ то его благодѣанія семейству.

Ну, а старичокъ себѣ на умѣ, посмѣивается, а сердце горитъ у него: "вотъ же я ему, бѣдняку, нашъ нѣмецкій вицъ покажу". И вѣдь какъ, должно быть, хорошо смѣялся про себя, когда повели къ еврею корову, какъ приободрился духомъ, и пожалуй всю ту ночь можетъ быть, провозился въ нищей лачугѣ какой-нибудь еврейки-родильницы. А вѣдь восьмидесятилѣтнему старичку хорошо бы и поспать ночью, покоить старыя, усталыя кости. Если бы я былъ живописецъ, я именно бы написалъ этотъ "жанръ", эту ночь у еврейки-родильницы. Я ужасно люблю реализмъ въ искусствѣ, но у иныхъ современныхъ реалистовъ нашихъ нѣтъ нравственнаго центра въ ихъ картинахъ, какъ выразился на дняхъ одинъ могучій

³³ В публикации ошибочно: **В. Плетневъ**

³⁴ См. «Руль» № 3100.

поэтъ и тонкій художникъ³⁵, говоря со мной о картинѣ Семирадскаго. Тутъ, въ предполагаемомъ мною сюжетѣ для "жанра", мнѣ кажется, былъ бы этотъ центръ. Да и для художника роскошь сюжета. Во-первыхъ идеальная, невозможная, смраднѣйшая нищета бѣдной еврейской хаты. Тутъ можно бы много даже юмору выразить и ужасно кстати; юморъ вѣдь есть остроуміе глубокаго чувства, и мнѣ очень нравится это опредѣленіе. Съ тонкимъ чувствомъ и умомъ можно много взять художнику въ одной уже перетасовкѣ ролей всѣхъ этихъ нищихъ предметовъ и домашней утвари въ бѣдной хатѣ, и этой за ба в н о й перетасовкой сразу оцарапать вамъ сердце. Да и освѣщеніе можно бы сдѣлать интересное: на кривомъ столѣ догораетъ оплывшая сальная свѣчка, а сквозь единственное, заиндивѣвшее и обледенѣлое оконце, уже брезжить разсвѣтъ новаго дня, новаго труднаго дня для бѣдныхъ людей. Трудныя родильницы часто родятъ на разсвѣтѣ: всю ночь промучаются, а къ утру родятъ. Вотъ усталый старичокъ, на мигъ оставивъ мать, берется за ребенка. Принять не во что, пеленокъ нѣтъ, ни тряпки нѣтъ (бываетъ такая бѣдность, господа клянусь вамъ, бываетъ, чистѣйшій реализмъ, — реализмъ, такъ сказать, доходящій до фантастическаго), и вотъ праведный старичокъ снялъ свой старенькій виць-мундирчикъ, снялъ съ плечъ рубашку и разрываетъ ее на пеленки. Лицо его строгое и проникнутое. Бѣдный новорожденный еврейчикъ копошится передъ нимъ на постели, христіанинъ принимаетъ еврейчика въ свои руки и обвиваетъ его рубашкой съ плечъ своихъ. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса, господа. Восьмидесятилѣтній, обнаженный, и дрожащій отъ утренней сырости торсъ доктора можетъ занять видное мѣсто въ картинѣ, не говоря уже про лицо молодой, измученной родильницы, смотрящей на своего новорожденнаго и на продѣлки съ нимъ доктора. Все это видитъ сверху Христось, и докторъ знаетъ это: "этотъ бѣдный жидокъ выростетъ и можетъ сниметъ и самъ съ плеча рубашку и отдастъ христіанину, вспоминая разсказъ о рожденіи своемъ", — съ наивной и благородной вѣрой думаетъ старикъ про себя. Сбудется ли это? Вѣроятнѣе всего что нѣтъ, но сбыться можетъ, а на землѣ лучше и дѣлать то нечего какъ вѣрить въ то, что э т о сбыться можетъ и сбудется. А докторъ вправѣ вѣрить потому что ужъ на немъ сбылось: "исполнилъ я, исполнить и другой; чѣмъ я лучше другого", подкрѣпляетъ онъ себя аргументомъ. Усталая старуха еврейка, — мать родильницы, въ лохмотьяхъ суетится у печки. Еврей, выходившій за вязанкой щепокъ, отворяетъ дверь хаты и мерзлый паръ клубомъ врывается на мигъ въ комнату. На полу, на войлочной подстилкѣ крѣпко спятъ два малолѣтнихъ еврейчика. Однимъ словомъ, аксессуаръ могъ бы выйти хорошій. Даже тридцать копѣекъ мѣдью на столѣ, отсчитанныя докторомъ на супъ родильницѣ, могли бы составить деталь. Мѣдный столбикъ трехкопѣечниковъ, методически сложенныхъ, отнюдь не разбросанныхъ. Даже перламутръ могъ бы быть написанъ какъ и въ картинѣ Семирадскаго, въ которой удивительно написанъ кусокъ перламутра: докторамъ вѣдь дарятъ же иногда (чтобы не платить много деньгами) хорошенькія вещицы,

³⁵ Скорѣе всего рѣчь идетъ о другѣ Достоевскаго А. Н. Майковѣ, сынѣ талантливаго живописца (*Примеч. автора*).

и вотъ перламутровая докторская сигарочница лежитъ тутъ же подлѣ мѣдной кучки. Нѣтъ, ничего, картинка бы вышла съ "нравственнымъ центромъ". Приглашаю написать.

Единственный случай... Но безъ единичныхъ случаевъ не осуществить и общихъ правъ. Этотъ общій человѣкъ хотъ и единичный случай, а соединилъ же надъ гробомъ своимъ весь городъ. Эти русскія бабы и бѣдныя еврейки цѣловали его ноги въ гробу вмѣстѣ, тѣснились около него вмѣстѣ, плакали вмѣстѣ. Пятьдесятъ восемь лѣтъ служенія человечеству въ этомъ городѣ, пятьдесятъ восемь лѣтъ неустанной любви соединили всѣхъ хотъ разъ надъ гробомъ его въ общемъ восторгѣ и въ общихъ слезахъ. Провожаеъ его весь городъ, звучатъ колокола въ сѣхъ церквей, поются молитвы на всѣхъ языкахъ. Пасторъ со слезами говоритъ свою рѣчь надъ раскрытой могилой. Раввинъ стоитъ въ сторонѣ, ждетъ, и какъ кончилъ пасторъ, смѣняетъ его и говоритъ свою рѣчь и льетъ также слезы. Да вѣдь въ это мгновеніе почти разрѣшенъ да хотъ бы этотъ самый "еврейскій вопросъ". Вѣдь пасторъ и раввинъ соединились въ общей любви, вѣдь они почти обнялись надъ этой могилой въ виду христіанъ и евреевъ. Что въ томъ, что, разойдясь, каждый примется за старые предрасудки: капля точитъ камень, а вотъ эти то "общіе человѣки" побѣждаютъ міръ, соединяя его: предрасудки будутъ блѣднѣть съ каждымъ единичнымъ случаемъ и наконецъ вовсе исчезнутъ. Про старичка останутся легенды, пишетъ г-жа Л., то же еврейка и то же плакавшая надъ "милой головой" человѣколюбца. А легенды это уже первый шагъ къ дѣлу, это живое воспоминаніе и неустанное напоминаніе объ этихъ "побѣдителяхъ міра", которымъ принадлежитъ земля. А увѣровавъ въ то, что это дѣйствительно побѣдители, и что такіе дѣйствительно "наслѣдятъ землю", вы уже почти соединились во всемъ. Все это очень просто, но мудроно кажется одно: именно убѣдиться въ томъ, что вотъ безъ этихъ то единицъ, никогда не соберете всего числа, сейчасъ все разсыплется, а вотъ эти то все соединятъ. Эти мысли вѣру даютъ, живой опытъ собой представляютъ, а, стало быть, и доказательство. И вовсе нечего ждать, пока всѣ стануть такими же хорошими, какъ они, или очень многіе: нужно не много такихъ, чтобъ спасти міръ, до того они сильны. А если такъ, то какъ не надѣяться.

Кто же былъ описанный съ такой любовью и съ такимъ пафосомъ докторъ баронъ Hindenburg? Еще въ бытность нашу въ Россіи мы были очень близко знакомы съ глубокой старушкой Сабиной Самойловой Даніэль, урожденной баронессой фонъ Гинденбургъ. Она была любимицей доктора Гинденбурга и приходилась ему родной племянницей. Отецъ ея, кажется въ началѣ XIX в., переѣхалъ изъ Пруссіи въ Россію и поселился въ большомъ имѣніи «Стадолице» близъ города Минска. Былъ онъ большой баринъ и по образованію лингвистъ. Дочь свою Сабину обучилъ онъ французскому, итальянскому, русскому и латинскому языкамъ; давалъ балы и дѣлалъ приемы гостей. Человѣкъ онъ былъ великодушный и добрый. Дочь его рассказывала намъ, какъ во время отступленія французской арміи въ 1812 г. жалѣлъ онъ замерзающихъ и голодныхъ французовъ и приказывалъ на ночь ставить ѣду въ банѣ, что была поотдалъ отъ дома. Братъ его, описанный Достоевскимъ, былъ по профессіи врачомъ. «Этой профессіей, говорилъ д-ръ

Гинденбургъ, я надѣюсь послужить людямъ». Всю свою жизнь и всѣ свои средства истратилъ онъ на бѣдняковъ, врачуя, помогая и утѣшая «своихъ близкихъ», такъ звалъ онъ всѣхъ паціентовъ. Зналъ онъ и языки, и особенно хорошо — русскій, еврейскій жаргонъ и польскій. На этихъ языкахъ говорило бѣднѣйшее населеніе города и деревень. На вопросы, зачѣмъ онъ трудится надъ изученіемъ языковъ, когда онъ уже бѣгло на нихъ говорилъ, докторъ отвѣчалъ съ удивленіемъ: — «А чтобъ я хорошо могъ утѣшать близкихъ, они очень много несчастны». Говорятъ, былъ онъ врачъ удивительный и необыкновенно счастливый. Его всюду звали, и бывали иной разъ изъ дальнихъ городовъ за совѣтомъ. Случались у него и очень богатые паціенты, платившіе ему весьма много, но все это уходило на бѣдныхъ, на просителей и на сюрпризы бѣднякамъ и знакомымъ. Подходилъ онъ обычно, вспоминала съ умиленіемъ его, нынѣ покойная, племянница, поднималъ вверхъ палецъ (вспомнимъ Герценштубе, поднявшаго палецъ, поднося фунтъ орѣховъ) и говорилъ: «А я что то имѣю. Угадай Сабиночка». Часто денегъ у него совсѣмъ не было, и онъ почти голодалъ, тогда и сюрпризы были крошечные, но всегда были. Любилъ онъ всѣхъ несчастныхъ «бѣдняшекъ» какою то неутолимой, ищущей любовью. Былъ тихъ, характеромъ свѣтелъ и радостенъ. Легко очень плакалъ при видѣ бѣдъ и утѣшался, только добившись того, что кого-нибудь «распотѣшилъ», т. е. развеселилъ, облегчилъ. Часто богатые поклонницы, а такихъ было не мало, дарили ему шелковое бѣлье, присылали и постельное бѣлье, зная, что у него ничего нѣтъ. Но все это при первомъ же удобномъ случаѣ переселялось къ «близкимъ». Находили куски шелковыхъ рубашекъ на дѣтяхъ бѣдняковъ, простыни попадали къ кухаркамъ, къ еврейкамъ поденщицамъ. Ничего, кажется, своего у него не было кромѣ сигарочницы, или вѣрнѣе табакерки изъ перламутра, да виць-мундира. Къ бѣднякамъ онъ посылалъ бѣдныхъ рабочихъ, чтобъ они поправили крыши и полы, самъ постоянно ѣздилъ и ходилъ по окраинамъ и высматривалъ и выглядывалъ во время своей врачебной практики о нуждахъ. Былъ у него другъ, богачь-еврей, лѣсо- и хлѣботорговецъ, по фамиліи Зельдовичъ. Не мало денегъ прошло, говорятъ, отъ Зельдовича черезъ руки «святого доктора» на бѣдняковъ. Зельдовичъ былъ еврей строгихъ правилъ: ходилъ въ долгополой одеждѣ съ ермолкой на головѣ, трэфного не ѣлъ никогда, Гинденбурга обожалъ. Этому самому еврею, другу своему, умирая завѣщалъ Гинденбургъ всѣхъ бѣдныхъ, и до смерти своей Зельдовичъ исполнялъ обѣщаніе и клятву другу. Много множество рассказовъ ходило въ Минскѣ о жизни и дѣятельности «святого доктора», «нашего отца», часть изъ нихъ по памяти и двумъ-тремъ письмамъ мы привели здѣсь.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Достоевскаго къ современной ему Германіи. Не забудемъ, что на его глазахъ выросла Германская имперія, что онъ былъ современникомъ Бисмарка и Мольтке. Не разъ говоритъ Достоевскій о нѣмцахъ въ «Дневникѣ Писателя», но мы коснемся здѣсь наиболѣе характернаго съ нашей точки зрѣнія. Достоевскій подолгу живалъ въ Германіи и присматривался къ народу, многое ему не нравилось, но многое вызывало искреннее восхищеніе.

Образъ этого замѣчательнаго врача-человѣколюбца пріобрѣтаетъ особый интересъ, въ виду исключительнаго значенія, какое завоевала себѣ въ Германіи фамилія Гинденбургъ. По справкамъ, однако, оказалось, что въ семьѣ президента республики неизвѣстно о родствѣ съ минскимъ бар<ономъ> Гинденбургомъ. Не удалось найти положительныхъ указаній въ рукописномъ отдѣленіи государственной бібліотеки, хранящемъ дворянскія родословныя (Stammtafeln des Balthasar König). Президентъ Гинденбургъ носить, какъ извѣстно, еще и фамилію Бенкендорфъ. Изъ этой семьи тоже было много выходцевъ въ Россію, занимавшихъ видные посты.

Р. Плетневъ

Текстологическая справка

Источник текста:

Плетневъ Р. Достоевскій и Гинденбургъ // Руль. 1931. № 3100. 6 февраля (пятница). С. 2–3.

Плетневъ Р. Достоевскій и Гинденбург (Окончаніе) // Руль. 1931. № 3101. 7 февраля (суббота). С. 2–3.

* «Руль» — русская эмигрантская ежедневная газета. Выходила в 1920–1931 гг. в Берлине. Редакторы: лидеры кадетской партии И. В. Гессен, В. Д. Набоков. Места хранения: Staatsbibliothek zu Berlin, Государственная публичная историческая библиотека (М.), Российская национальная библиотека (СПб.), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ; М.).